
E13 — 601

Проф. П. Буцинскій.

Изъ исторіи Крымской кампаніи.

Высадка союзниковъ. Альминское сраженіе. Потопленіе флота.

Изданіе Харьковскаго Отдѣла „РУССКАГО СОБРАНІЯ“.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петров.кій переулокъ, домъ № 17 й.
1904.

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Бородкинъ М. М. „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого“. Цѣна 20 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы“. Цѣна 10 коп

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій“. Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Завитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія“. Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими“. Выпускъ I. Цѣна 20 к съ пер. 25 коп. Выпускъ II. Цѣна 20 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко“. Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Ф. В „Мечты русскаго патріота“. Цѣна 20 коп

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется **на военныя нужды.**

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ.** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы“. Цѣна 20 коп. Чистый доходъ предназначается **на усиленіе русскаго флота.**

Проф. П. Буцинскій.

Изъ исторіи Крымской кампаніи.

Высадка союзниковъ. Альминское сраженіе. Потопленіе флота.

Изданіе Харьковскаго Отдѣла
„РУССКАГО СОБРАНІЯ“.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій переулокъ, домъ № 17-й.
1904.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1904 г.

ИЗЪ ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ КАМПАНІИ.

Высадка союзниковъ. Альминское сраженіе. Потопленіе флота.

(По поводу пятидесятилѣтія этихъ событій).

I.

Англо-французскій флотъ, вторгнувшись въ Черное море въ концѣ 1853 г., въ теченіи восьми мѣсяцевъ слѣдующаго года не ознаменовалъ себя ни однимъ серьезнымъ дѣломъ: онъ гулялъ по морю въ разныхъ направленіяхъ, изрѣдка показывался у прибрежныхъ русскихъ городовъ, дѣлалъ промѣры, любовался видами кавказскихъ и крымскихъ береговъ, но всегда держалъ себя въ почтительномъ отдаленіи отъ укрѣпленныхъ русскихъ портовъ. Такъ что прибрежнымъ жителямъ могло казаться, что колоссальный флотъ трехъ державъ Англіи, Франціи и Турціи въ 90 вымпеловъ явился въ Черное море не для военныхъ дѣйствій, а для того, чтобъ себя показать. Правда, 10 апрѣля союзники подплыли къ Одессѣ, попытались сдѣлать десантъ, но первые удачные выстрѣлы со стороны одной русской батареи, такъ напугали нашихъ цивилизованныхъ враговъ, что они поспѣшили поскорѣе обратиться въ бѣгство, а страшная бомбардировка города имѣла своимъ результатомъ только семь человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Словомъ, флотъ союзниковъ и въ Черномъ морѣ отличался такою же трусостью, какъ и его товарищъ въ морѣ Балтійскомъ. И это понятно почему. Во главѣ союзныхъ флотовъ стояли англійскіе адмиралы, которые хорошо знали, что вѣсть о гибели нѣсколькихъ англійскихъ кораблей гораздо чувствительнѣе отзовется въ сердцѣ каждаго англичанина, чѣмъ разрушеніе кронштадскихъ или севастопольскихъ укрѣпленій. Поэтому англичане любятъ больше устрашать непріятеля морскими демонстраціями, или нападать врасплохъ, а если и вступаютъ въ открытую битву, то только подъ условіемъ легкой побѣды.

Но такого условія не было ни на Черномъ, ни на Балтійскомъ моряхъ.

Между тѣмъ вниманіе англійской и французской націй было всецѣло поглощено военными экспедиціями въ русскія моря; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о блестящихъ подвигахъ ихъ морскихъ силъ. Но проходитъ болѣе полугода со времени начала войны цивилизованныхъ націй съ варварскою Россіей, а вѣстей о побѣдахъ надъ послѣдней все нѣтъ и нѣтъ. Общественное мнѣніе раздражено, печать, особенно англійская, язвительно подсмѣивается надъ бездѣятельностью грозныхъ морскихъ армадъ, юмористическіе листки печатаютъ ядовитыя каррикатуры... Ни правительство англійское, ни тѣмъ менѣе Наполеонъ III, въ силу своего особаго положенія на французскомъ престолѣ, не могли не обратить вниманія на такое общественное настроеніе. Подъ вліяніемъ послѣдняго, союзныя правительства приказали своимъ главнокомандующимъ, сидѣвшимъ въ Варнѣ безъ дѣла, предпринять экспедицію въ Крымъ для выполненія той задачи, которая была намѣчена еще въ февралѣ 1854 года, именно: овладѣть Севастополемъ, уничтожить русскій флотъ и всѣ военныя заведенія въ этой крѣпости. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Наполеонъ III далъ маршалу Сентъ-Арно два категорическихъ предписанія исполнить во что бы то ни стало рѣшеніе февральскаго совѣта; такое же повелѣніе получилъ отъ своего правительства и англійскій главнокомандующій лордъ Рагланъ.

Въ концѣ іюля въ Варнѣ созванъ былъ военный совѣтъ, на который французскій главнокомандующій пригласилъ большую часть англійскихъ и французскихъ генераловъ. Сентъ-Арно „предложилъ совѣту обсудить проектъ дессантной экспедиціи на берега Крыма, показалъ важность ея для англо-французской политики, разобралъ планъ, къ сожалѣнію, пишетъ одинъ участникъ совѣта, слишкомъ неопредѣленный. Предстояло, по его словамъ, избрать пунктъ для высадки; самый десантъ произвести подъ покровомъ флота, во что бы то ни стало разбить русскія войска и послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и овладѣть имъ открытою силою“. „Общія соображенія свои, замѣчаетъ покойный академикъ Дубровинъ, Сентъ-Арно не могъ подкрѣпить никакими опредѣленными данными; онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о числѣ русскихъ войскъ, охранявшихъ Крымскій полуостровъ, ни о силѣ севастопольскихъ укрѣпленій. Сентъ-Арно ничего не зналъ: ни о направленіи и состояніи дорогъ, ни о переправахъ и вообще свойствахъ мѣстности, избираемой театромъ военныхъ дѣйствій.“

„Лордъ Рагланъ первый возражалъ французскому главнокомандующему; онъ указалъ совѣту на неимѣніе необходимыхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на отсутствіе въ рядахъ союзниковъ кавалеріи, тогда какъ русскія войска имѣютъ кавалерію, извѣстную своимъ устройствомъ и прекрасными лошадьми. Рагланъ находилъ, что высадка не предвѣщаетъ успѣха, и въ этомъ отношеніи былъ поддержанъ адмираломъ Гамеленомъ, который замѣтилъ, что, предпринимая экспедицію въ Крымъ, союзники будутъ похожи на искателей приключеній". Принцъ Наполеонъ присоединился къ мнѣнію лорда Раглана и вице-адмирала Гамелена и прямо сказалъ, что съ тѣми силами, которыми располагали союзныя державы, успѣхъ экспедиціи невозможенъ. Также отрицательно смотрѣли на предпріятіе и адмиралы—Дундасъ, Лайонсъ и Чарпетъ. Но Сентъ-Арно заявилъ, что мысль экспедиціи въ Крымъ не принадлежитъ ему, а есть приказаніе императора. Это заявленіе положило конецъ всякимъ спорамъ и вопросъ о высадкѣ въ Крыму рѣшенъ на военномъ совѣтѣ положительно. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что союзники рѣшились на рискованное предпріятіе, шли впередъ, очертя голову; имъ грозила страшная опасность. И если ихъ ждалъ совершенно неожиданный успѣхъ, какъ при высадкѣ около Евпаторіи, такъ и въ первой битвѣ съ русскими на Альмѣ, то этими успѣхами они были всецѣло обязаны бездѣятельности нашего главнокомандующаго въ Крыму—кн. Меньшикова. Этотъ старый, опытный, боевой генералъ, пользовавшійся любовью и безусловнымъ довѣріемъ императора Николая, оказался совсѣмъ не на высотѣ той задачи, которая выпала на его долю: въ рѣшительный моментъ Меньшиковъ растерялся, упалъ духомъ, потерялъ вѣру въ себя и въ свою армію, велъ замкнутую жизнь, сталъ нелюдимымъ, ни съ кѣмъ не совѣщался и бездѣйствовалъ въ то время, когда нужно было проявить особенно энергичную дѣятельность.

Такъ онъ, какъ говорится, палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы оказать сопротивленіе непріятелю при его высадкѣ на крымскій берегъ. Но спрашивается, могъ ли нашъ главнокомандующій предвидѣть мѣсто высадки союзниковъ и вовремя поспѣть къ нему съ своей арміей? Несомнѣнно. Еще въ февралѣ 1854 года военный министръ князь Долгорукій извѣщалъ Меньшикова, что въ Парижѣ и Лондонѣ рѣшено предпринять экспедицію въ Крымъ и произвести высадку недалеко отъ Севастополя, съ тѣмъ, чтобы атаковать его укрѣпленія съ тыла. Это рѣшеніе скоро стало извѣстно какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, а наиболѣе распростра-

ненная въ Англіи, говоритъ Дубровинъ, газета „Times" во всеуслышаніе трубила объ этомъ, во всѣхъ закоулкахъ своего отечества, подготовляя и направляя общественное вниманіе на этотъ уголокъ Россіи, т. е. на Севастополь. Въ то же время въ французской газетѣ „Journal des débats" явилось довольно подробное описаніе севастопольскихъ укрѣпленій, какъ береговыхъ такъ и сухопутныхъ. Объ этихъ намѣреніяхъ союзниковъ русскіе агенты сообщили въ Петербургъ, а оттуда свѣдѣнія немедленно передавались Меньшикову. Пока наша дунайская армія подъ начальствомъ Горчакова находилась на правомъ берегу Дуная, Сентъ-Арно и Рагланъ, засѣвшіе въ Варнѣ, могли оправдывать свое бездѣйствіе въ отношеніи Севастополя, но въ Іюнѣ наши войска перебрались въ Молдавію и союзникамъ нечего было дѣлать на Балканскомъ полуостровѣ. Теперь, писала газета „Times", нужно искать другихъ средствъ для нанесенія чувствительнаго удара Россіи, ключъ господства которой на Черномъ море заключается въ обладаніи Крымомъ. Севастополь, сдѣлавшись первоклассною крѣпостью, дозволяетъ русскому флоту господствовать надъ Дунайскими гирлами, угрожать берегамъ Малой Азіи и въ нѣсколько часовъ перенести армію къ самому Босфору.

„Морскія державы, продолжаетъ та же газета, не могутъ постоянно содержать флотъ для наблюденія за Севастополемъ, а потому главная цѣль политики и войны не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Севастополь и русскій флотъ.

„Но разъ только этотъ центръ могущества Россіи на югѣ Имперіи будетъ уничтоженъ—разрушится и все зданіе, сооруженіемъ котораго Россія занималась сотню лѣтъ".

„Взятіе Севастополя и занятіе Крыма вознаградятъ всѣ военныя издержки и рѣшатъ вопросъ въ пользу союзниковъ".

И самъ Меньшиковъ былъ увѣренъ въ этомъ и еще въ апрѣлѣ писалъ Николаю Павловичу, что если союзники рѣшили высадиться въ Крыму, то главнѣйшая цѣль этого предпріятія будетъ Севастополь. Поэтому онъ энергично заботился объ усиленіи своей арміи и севастопольскихъ укрѣпленій.

Но Крымскій полуостровъ великъ; союзники пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, могли сдѣлать дессантъ въ любомъ мѣстѣ. Поэтому возникаетъ новый вопросъ—могъ-ли нашъ главнокомандующій предвидѣть настоящее мѣсто задуманной непріятелемъ высадки? Несомнѣнно. Кто зналъ географію крымскаго полуострова и главную цѣль непріятельской экспедиціи, тотъ утвердительно могъ сказать, что высадка со-

юзниковъ произойдетъ между Севастополемъ и Евпаторіей. „Я полагаю, писалъ Меньшиковъ, что ежели противники наши намѣрены и въ состояніи произвести на Крымъ нападеніе, то лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могли бы прямо отъ своихъ судовъ продовольствоваться, какъ въ окрестностяхъ Севастополя“. Такого же мнѣнія былъ и Николай Павловичъ. Сами союзники своими приготовленіями указывали, что они имѣютъ въ виду сдѣлать высадку въ Евпаторіи. Еще 15 апрѣля предъ этимъ городомъ появился союзный флотъ. Отдѣлившіеся отъ эскадры два парохода вошли на Евпаторійскій рейдъ, взяли на одинъ изъ пароходовъ шкипера австрійскаго судна, распрашивали его объ укрѣпленіи города, о числѣ находящихся въ немъ войскъ и объявили, *что скоро опять придутъ въ Евпаторію*... Въ то же время непріятель захватилъ на рейдѣ казенный таможенный катеръ съ бывшимъ на немъ корабельнымъ смотрителемъ—Яшниковымъ. Послѣдній послѣ допроса французскимъ адмираломъ Гамеленомъ былъ освобожденъ изъ плѣна и чрезъ Вѣну отправленъ въ Варшаву. „Этотъ чиновникъ,—сообщалъ изъ Вѣны въ Петербургъ баронъ Мейндорфъ 16 іюня,—говорилъ мнѣ, что французскіе корабли сдѣлали промѣры и описи береговъ окрестностей Евпаторіи съ такимъ стараніемъ, что это заставляетъ предполагать, что на этомъ мѣстѣ будетъ произведена предполагаемая высадка“. „Послѣ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, говоритъ Дубровинъ, князю Меньшикову хорошо знакомому съ Крымскимъ полуостровомъ и свойствами его береговъ уже не трудно было опредѣлить съ нѣкоторою вѣроятностью мѣсто высадки непріятеля“.

Меньшикову также было извѣстно, что на самомъ Евпаторійскомъ рейдѣ высадка невозможна: вслѣдствіе мелководья этого рейда большія суда могли останавливаться только за $2^1/_2$ версты отъ берега. Значитъ еще частнѣе можно было опредѣлить мѣсто непріятельскаго десанта, т. е. оно должно быть южнѣе Евпаторіи.

Такимъ образомъ нашъ главнокомандующій имѣлъ возможность и время съ одной стороны поставить военныя отряды съ артиллеріей на опасныхъ мѣстахъ, въ рѣшительный моментъ собрать ихъ къ мѣсту высадки и дать отпоръ союзникамъ, а съ другой, выбрать на пути отъ Евпаторіи къ Севастополю хорошую позицію для главныхъ силъ и укрѣпить ее искусственно. Но ничего подобнаго не хотѣлъ сдѣлать князь Меньшиковъ; онъ даже не устроилъ летучей почты въ предполагаемыхъ мѣстахъ высадки, чтобъ вовремя получить свѣдѣнія о движеніи союзниковъ.

Въ концѣ іюля князь Горчаковъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что 15 августа назначена посадка на суда эксцедиціоннаго корпуса англо-французовъ для высадки на берегахъ Крыма. Призвавъ къ себѣ подполковника инженера Тотлебена и давъ ему письмо къ Меньшикову, онъ отправилъ этого будущаго героя въ Севастополь. Въ письмѣ своемъ Горчаковъ извѣщалъ Меньшикова о времени посадки союзниковъ на суда и предлагалъ въ его распоряженіе Тотлебена.

Уже 10 августа Тотлебенъ прибылъ въ Севастополь и явился къ главнокомандующему. Меньшиковъ, прочитавъ письмо отъ Горчакова, сказалъ посланному: „отдохните послѣ дороги, а затѣмъ поѣзжайте обратно въ Дунайскую армію“. Но Тотлебенъ увѣренный въ скоромъ появленіи непріятеля, рѣшился замедлить свой отъѣздъ, старался понравиться Меньшикову и только благодаря этому ему удалось остаться въ Севастополѣ. За нѣсколько дней до высадки непріятеля Меньшиковъ получилъ отъ Горчакова новое письмо, въ которомъ, подтверждая свѣдѣнія о замыслахъ союзниковъ, онъ просилъ оставить у себя фельдъегеря и отправить его обратно какъ только начнется непріятельская высадка.

Но именно въ началѣ августа Меньшиковъ вопреки всѣмъ свѣдѣніямъ, приходящимъ къ нему со всѣхъ сторонъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ году нельзя ожидать десанта союзниковъ въ Крыму, что будто бы это предпріятіе отложено ими до весны 1855 года... „Михаилъ Горчаковъ, писалъ Меньшиковъ Николаю Павловичу за пять дней до высадки непріятеля, убѣжденъ, что союзники не оставляютъ идеи покушенія на Севастополь, ибо онъ только что прислалъ ко мнѣ фельдъегеря, чтобъ доставить съ нимъ поскорѣе извѣстіе о высадкѣ. Я не вѣрю этому вовсе... Мы не будемъ атакованы здѣсь въ теченіи этого года“.

Между тѣмъ утромъ 1 сентября предъ Евпаторіей появилось громадное число военныхъ кораблей и до 300 транспортовъ, наполненныхъ войсками союзниковъ. Въ тотъ же день этотъ городъ занятъ непріятельскимъ отрядомъ; комендантъ Браницкій съ 200 солдатъ безъ выстрѣла отступилъ по дорогѣ въ Симферополь. Въ городѣ непріятель нашелъ 60 т. четвертей пшеницы и такимъ образомъ непріятельская армія была обезпечена этимъ провіантомъ на четыре мѣсяца.

Узнавши о появленіи непріятеля, князь Меньшиковъ отправилъ слѣдить за нимъ лейтенанта Стеценко съ пятью казаками и доносить ему о движеніи союзнаго флота. Въ то же

время русской арміи приказано было двинуться къ рѣкѣ Альмѣ и занять ея лѣвый возвышенный берегъ.

Только вечеромъ 2-го сентября пришло къ Меньшикову извѣстіе, что съ утра этого дня непріятель началъ высаживаться на крымскій берегъ между озерами Кизилъ-Ярскимъ и Кичикъ-Бельскимъ въ 28 верстахъ на югъ отъ Евпаторіи.

Дѣйствительно въ ночь на 2 сентября флотъ и транспортныя суда союзниковъ подошли къ назначенному мѣсту высадки, а съ 8 час. утра началась посадка войскъ на гребныя суда. Къ тремъ часамъ дня французы высадили на берегъ 2 дивизіи и только послѣ этого осторожные англичане, намѣренно запоздавшіе, начали высаживать и свои войска. Такая осторожность была совершенно излишняя: нашъ главнокомандующій и не намѣренъ былъ оказать сопротивленіе и союзники кромѣ Стеценко съ пятью казаками никакихъ другихъ русскихъ войскъ не видали.

„Ежели даже допустить, говоритъ Богдановичъ, что невозможно было непозволить непріятелю произвести высадку, то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣли средства затруднить ее"... Но можно было, тоже несомнѣнно, и нанести ударъ непріятелю, еслибъ къ мѣсту высадки послано было нѣсколько тысячъ солдатъ съ артиллеріей. Положимъ, что союзный флотъ могъ обстрѣливать берегъ на значительное пространство, но съ качающихся кораблей трудно было попасть въ цѣль на далекое разстояніе, а русскіе пушки ужъ навѣрно попали бы въ массу гребныхъ судовъ, двигающихся къ берегу. Но русская армія стояла въ это время на Альмѣ и ровно ничего не дѣлала.

Въ теченіи дня и вечера 2 сентября французы высадили три дивизіи и англичане двѣ. „Тяжело было, говоритъ Дубровинъ, первое вступленіе непріятеля на русскую землю. Къ вечеру пошелъ дождь, продолжавшійся всю ночь безъ перерыва; англичане не успѣли свезти на берегъ свои палатки и ихъ генералы, офицеры и солдаты, поливаемые дождемъ, сопровождаемымъ довольно сильнымъ вѣтромъ, оставались всю ночь подъ открытымъ небомъ и не имѣли другой постели кромѣ грязи. Въ темную и сырую ночь, они принуждены были спать въ болотѣ или въ потокахъ воды, не имѣя чѣмъ прикрыться, гдѣ отогрѣться и съ сознаніемъ, что на утро имъ нечѣмъ будетъ перекусить, такъ какъ за неимѣніемъ дровъ, нельзя было сварить пищу... не было даже прѣсной воды для питья и ее приходилось доставлять за двѣнадцать верстъ отъ

мѣста высадки... Положеніе союзниковъ было настолько печально, что они сильно боялись нашего нападенія".

Покойный Дубровинъ дѣлаетъ предположеніе, что еслибы въ эту ночь Меньшиковъ, воспользовавшись своей кавалеріей и конною артиллеріей, атаковалъ союзниковъ?! „Кавалерія всегда, говоритъ онъ, имѣетъ возможность вовремя отступить предъ непріятелемъ, и потому оставлять ее на Альмѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи, было незачѣмъ, тѣмъ болѣе, что еслибы и не удалось ей найти удобнаго момента для атаки непріятеля, то десятокъ лишнихъ верстъ, которыя пришлось бы ей сдѣлать, не могутъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашей бездѣятельности".

Но съ Меньшиковымъ въ это время творилось что-то непонятное: занявши своими войсками позицію на Альмѣ онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ напасть на врага во время его высадки, какъ совѣтовалъ ему Николай Павловичъ, не старался искуственно укрѣпить позицію, не дѣлалъ никакихъ распоряженій ни о встрѣчѣ непріятеля, ни объ отступленіи на случай неудачи.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, говоритъ Богдановичъ, что мы имѣли средства затруднить высадку, выиграть время и усилить позицію на Альмѣ, устроивъ ложементы для стрѣлковъ и вырубивъ на правомъ берегу сады и виноградники, впослѣдствіи облегчившіе наступленіе союзниковъ; уже 2 сентября на позиціи находились полки: Владимірскій, Суздальскій, Бородинскій, Тарутинскій, Минскій, Волынскій, Казанскій, резервные батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ и часть сапернаго батальона, которые вообще могли выставить болѣе 20 тысячъ рабочихъ".

Нетревожимые ни кѣмъ и ни чѣмъ союзники спокойно продолжали высадку и въ теченіи пяти сутокъ высадили 60-тысячную армію съ артиллеріей и кавалеріей, военными и съѣстными припасами.

II.

Альминское сраженіе.

Утромъ 7-го сентября союзная армія, выстроившись въ боевой порядокъ, двинулась къ Севастополю и къ вечеру приблизилась къ нашей позиціи. Русская армія въ количествѣ 33 т. пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи занимала Альминскія высоты и стояла въ полномъ безпорядкѣ: полки и батареи прибывшіе съ разныхъ мѣстъ на позицію, неполучая никакой

диспозиціи, располагались сами по себѣ, тамъ гдѣ кому изъ нихъ казалось удобнѣе. Бивуаки ихъ тянулись (Дубровинъ) верстъ на семь по хребту горъ, вдоль которыхъ внизу протекала рѣчка, а за нею прилегала мѣстность довольно ровная, открытая и только слегка всхолмленная.

На 8-е сентября глубокіе старики, главнокомандующіе союзными войсками, Сентъ-Арно и Рагланъ назначили атаку русскихъ позицій. Исходъ предстоящаго боя трудно было предсказать. Правда непріятельская армія по числу вдвое превосходила нашу и къ тому же большая ея часть была вооружена новымъ дальнобойнымъ орудіемъ. За то на сторонѣ русскихъ было—оборонительное положеніе, превосходная позиція, стойкость и храбрость русскихъ войскъ. Въ то время какъ непріятельская армія, находившись на ровной мѣстности, была открыта со всѣхъ сторонъ и не могла сдѣлать ни одного скрытнаго движенія, русскія войска стояли на гребнѣ горъ и непріятель могъ видѣть только ихъ передовыя колонны.

За два дня до битвы явился на позицію князь Меньшиковъ. Онъ произвелъ осмотръ положенія русской арміи и сдѣлалъ нѣсколько лаконическихъ распоряженій: князю Горчакову поручилъ командовать правымъ флангомъ и центромъ, генералу Кирьякову лѣвымъ флангомъ, а квартирмейстеру подполковнику Залѣсскому, поляку по происхожденію, приказалъ приготовить позицію къ бою и расположить на ней войска".

Послѣднее распоряженіе главнокомандующаго должно было вызвать общее недоумѣніе: такое важное дѣло, какъ расположеніе войска къ бою, было поручено человѣку никогда не видѣвшему сраженій, совершенно неопытному, помимо всѣхъ старшихъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе славились военными талантами и боевою опытностью! Притомъ польскій элементъ находился въ сильномъ подозрѣніи и князь Меньшиковъ сознавалъ его ненадежность. Въ письмѣ къ военному министру кн. Долгорукову онъ писалъ: „Польскій элементъ хотя и не обнаруживается, но его существованіе въ составѣ офицеровъ нельзя отрицать и, по моему мнѣнію онъ имѣетъ большое вліяніе на поведеніе войскъ".

„Предумышленныя упущенія по службѣ, говоритъ покойный академикъ Дубровинъ, имѣвшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредныя послѣдствія для нашей арміи, передача непріятелю секретныхъ свѣдѣній и проч. не оставляютъ въ настоящее время сомнѣній и есть дѣло поляковъ".

Въ частности квартирмейстеръ Залѣсскій—тотъ самый господинъ, измѣнническое поведеніе котораго въ 1855 г. было

столь явно, что въ самый разгаръ осады Севастополя былъ удаленъ изъ арміи и отправленъ въ ссылку въ Симбирскую губернію. Этого Залѣсскаго во время самаго сраженія видѣли только на перевязочномъ пунктѣ.

Послѣ этого нечего говорить о томъ, что полякъ поставилъ русскую армію не на бой, а на убой. Обѣ боевыя линіи, говоритъ Дубровинъ, были сведены съ гребня высотъ внизъ и расположены или на покатости, или у самой подошвы горъ, близъ рѣчки и такъ стѣснены, что между первою и второю боевыми линіями не было и 150 шаговъ, а стрѣлковую цѣпь можно было разсыпать не далѣе 50 шаговъ впереди батальоновъ. Двѣ роты стрѣлковаго батальона были удалены отъ него только на 10 шаговъ, остальныя роты стрѣлковаго батальона вооруженныя штуцерами, противъ всѣхъ правилъ, были разсыпаны въ такой лощинѣ, что прицѣльными выстрѣлами могли дѣйствовать не далѣе 100 саженъ.

„Сближенныя дистанціи между линіями, утесистый въ тылу берегъ рѣки Альмы, съ котораго резервы наши не могли свободно спускаться, точно также, какъ и части боевыхъ линій на него подниматься—привели къ тому, что непріятель, съ первыхъ выстрѣловъ, началъ наносить нашимъ войскамъ, стоявшимъ совершенно открытыми у подошвы высотъ, такое пораженіе, что поставилъ ихъ въ необходимость болѣе помышлять о скорѣйшемъ подъемѣ на верхъ, нежели объ отпорѣ“.

„Вмѣсто того, чтобы, стоя на возвышенности, имѣть возможность поражать противника сверху и сбросить его обратно къ рѣкѣ въ случаѣ, если онъ вздумаетъ подняться въ гору и и атаковать насъ, *Залѣсскому по особымъ личнымъ соображеніямъ*, было гораздо лучше поставить русскія войска такъ, чтобъ они, не думая о защитѣ переправы чрезъ рѣку позаботились о собственномъ отступленіи. Онъ достигъ своей цѣли вполнѣ“...

Несообразность въ расположеніи войскъ была очевидна для многихъ, но никто не въ силахъ былъ отвратить ее. Ближайшіе помощники кн. Меньшикова, генералы: кн. Горчаковъ, Кирьяковъ и Квицинскій были совершенно устранены отъ этого дѣла“.

Напрасно генералъ Кирьяковъ доказывалъ Залѣсскому всю невыгоду такого расположенія русской арміи и требовалъ, чтобъ онъ упросилъ главнокомандующаго не сводить войскъ внизъ, но оставить ихъ на нагорной части берега. Но Залѣсскій не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ выполнять свое тайное намѣреніе. Нашъ лѣвый флангъ, на-

чиная отъ селенія Альма-Тамакъ и до устья Альмы на протяженіи двухъ верстъ, совершенно оставленъ безъ прикрытія, правый флангъ слишкомъ затянутъ въ горы, многіе полки— Тарутинскій, Суздальскій, Углицкій, Волынскій, вся кавалерія и двѣ батареи 14 артиллерійской бригады, поставлены такъ, что во время боя 8 сентября не сдѣлали ни одного выстрѣла.

На канунѣ битвы военный совѣтъ союзниковъ составилъ слѣдующій планъ атаки русской арміи: французская дивизія подъ начальствомъ Боске и девять тысячъ турокъ должны выступить въ $5^{1}/_{2}$ ч. утра къ устью Альмы, чтобъ обойти неприкрытый лѣвый русскій флангъ, англичане должны были выступить въ 6 ч. утра для обхода нашего праваго фланга, а дивизіи Канробера и принца Наполеона въ 7 ч. предпринять атаку русскаго центра.

Согласно составленному плану французы и турки утромъ 8 сентября двинулись въ обходъ нашего лѣваго фланга и около 7 ч. прибыли въ устьѣ Альмы. Между тѣмъ англичане изволили еще спать: былъ девятый часъ утра, а среди англійской арміи не было замѣтно никакого движенія противъ нашего праваго фланга; это бездѣйствіе англичанъ остановило движеніе впередъ и французовъ. Возмущенный подобнымъ поведеніемъ своихъ союзниковъ, Сентъ-Арно отправилъ къ лорду Раглану полковника Трошю съ напоминаніемъ о планѣ наступленія и съ указаніемъ, что замедленіе движенія англичанъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нападающей арміи. Рагланъ обѣщалъ немедленно начать наступленіе. Очевидно, что англичане съ намѣреніемъ опаздывали, какъ и при высадкѣ на крымскій берегъ, они ждали, чтобъ первый ударъ вынесли на своихъ плечахъ французы.

Однако Сентъ-Арно напрасно безпокоился: нашъ главнокомандующій и не думалъ воспользоваться замѣшательствомъ среди враговъ, стоялъ въ бездѣйствіи и не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Только въ 11 часовъ утра Сентъ-Арно приказалъ отряду Боске снова начать обходное наступленіе. Французскій генералъ вполнѣ сознавалъ трудность своей роли, шелъ, по его мнѣнію, на убой, но смѣло рѣшился выполнить порученіе главнокомандующаго, чтобъ обезпечить успѣхъ центра и лѣваго крыла союзниковъ.

Дѣйствительно, чтобъ взобраться на высоты лѣваго берега Альмы обходной колоннѣ Боске нужно было преодолѣть неимовѣрныя препятствія: переправившись чрезъ рѣку по поясъ въ водѣ, солдаты при подъемѣ наверхъ могли воспользоваться

только двумя узкими тропинками, по которымъ можно было имъ двигаться чуть не по одиночкѣ, а саперамъ въ то же время нужно было прокладывать дорогу для артиллеріи. Еслибъ здѣсь находилось хотя бы два батальона пѣхоты съ нѣсколькими пушками, то обходное движеніе Боске потерпѣло бы полную неудачу: во время подъема его войска были бы уничтожены русскими. Но французы двигались впередъ безъ выстрѣла съ нашей стороны; это въ высшей степени удивило французскаго генерала и вызвало съ его стороны восклицаніе: „положительно эти господа не хотятъ драться!"

Князь Меньшиковъ еще въ 7 ч. утра долженъ былъ хорошо знать назначеніе дивизіи Боске и до 11 часовъ, начала подъема послѣдней, имѣлъ достаточно времени, чтобъ двинуть сюда нѣсколько батальоновъ. Но главнокомандующій, прибывши на нашъ лѣвый флангъ, только гарцовалъ на лошади, повременамъ останавливался на крутизнахъ „какъ будто, говоритъ очевидецъ, любуясь ловкимъ восходомъ французовъ на высоты и тѣмъ, что никто имъ въ томъ не мѣшаетъ".

Только въ полдень дивизія Боске взобралась на высоты и, ставши тыломъ къ морю и фронтомъ къ нашему лѣвому флангу, начала поражать послѣдній ружейными пулями и орудійными снарядами.

Когда бригада д'Отмара уже укрѣпилась на высотахъ, генералъ Кишинскій, обратившись къ князю Меньшикову, сказалъ: „Долго-ли мы еще будемъ находиться въ бездѣйствіи. Позвольте, ваша свѣтлость, по крайней мѣрѣ взять у генерала Кирьякова артиллерію!"

И только тогда Меньшиковъ приказалъ сбросить съ высотъ французовъ. Но было уже слишкомъ поздно: и силы и оружіе русскихъ были слишкомъ неравны, чтобъ успѣшно исполнить порученіе главнокомандующаго.

„Не успѣвъ сбросить штыками непріятеля съ вершины высотъ, говоритъ Богдановичъ, мы лишились выгодъ, которыя представляла намъ мѣстность на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи: такимъ образомъ судьба сраженія уже была рѣшена прежде, нежели бой завязался въ центрѣ и на правомъ крылѣ".

Англичане побоялись идти въ обходъ нашего праваго крыла, а подались къ французамъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними дѣйствовать на русскій центръ и часть праваго фланга. Здѣсь случилось то, чего напередъ ожидалъ Залѣсскій. Русскія колонны, послѣ незначительнаго сопротивленія, принуждены были оставить свои позиціи на берегу Альмы, обратить тылъ къ непріятелю и подниматься на высоты. Между тѣмъ англійскіе

и французскіе стрѣлки, укрывшись въ татарскихъ садахъ, открыли убійственный огонь по отступающему непріятелю и русскія войска, прежде чѣмъ взобрались на гребень хребта, понесли страшный уронъ. Но и на горѣ ихъ ждали бѣдствія: не успѣвъ еще построиться въ боевой порядокъ, какъ они были осыпаны съ фланга пушечными снарядами непріятеля, уже успѣвшаго занять высоты на нашемъ лѣвомъ крылѣ.

Цѣлыхъ пять часовъ продолжалась борьба за альминскую позицію: русскіе солдаты оказывали чудеса храбрости и стойкости, не разъ они бросались въ штыки и уничтожали непріятельскія колонны, но должны были уступить превосходству силъ непріятеля и качеству его вооруженія. А главное, что особенно гибельно отражалось на нашихъ герояхъ, — это полное отсутствіе общаго руководства въ арміи: наши полки дѣйствовали разрозненно, какъ попало шли въ бой, какъ попало отступали, въ то время какъ одни изнывали въ битвѣ, другіе стояли спокойно, не получая приказанія подать помощь своимъ товарищамъ.

„День 8 сентября, пишетъ генералъ Кашинскій, останется участвовавшимъ въ немъ навсегда памятнымъ своимъ безпорядкомъ и поучительнымъ относительно неумѣнья выбирать главныхъ начальниковъ".

„Всматриваясь въ причины нашихъ неудачъ въ альминскомъ сраженіи, говоритъ Дубровинъ, мы приходимъ къ заключенію, что онѣ главнѣйшимъ образомъ заключались: „въ отсутствіи всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящихъ дѣйствій: никто не зналъ, что предпринять въ случаѣ успѣха и куда отступать въ случаѣ неудачи; полки не знали, гдѣ ихъ патронные ящики, гдѣ лазаретныя фуры и проч. *Отъ командующаго войсками никто не получалъ никакихъ приказаній...*".

Сраженіе на Альмѣ стоило намъ очень дорого: изъ строя выбыло убитыми и ранеными 5 генераловъ, 23 штабъ-офицера, 170 человѣкъ оберъ-офицеровъ и 5511 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Непріятель потерялъ только 3500 человѣкъ. При поспѣшномъ и безпорядочномъ отступленіи наша армія не въ состояніи была подобрать несчастныхъ раненыхъ, оставила ихъ на полѣ битвы, надѣясь на милосердіе просвѣщеннаго непріятеля. Дѣйствительно непріятель подобралъ нашихъ раненыхъ и *чтобы быть гуманнымъ по европейски перевязалъ раны ихъ сѣномъ и соломою.* Въ такомъ ужасномъ состояніи

одна часть раненыхъ направлена въ Константинополь, а другая въ Одессу. Какое варварство!!

Князь Меньшиковъ, донося Николаю Павловичу объ исходѣ альминскаго сраженія, писалъ, что виною несчастія были малодушіе и неопытность войскъ. Это говорится про русскаго солдата. Какая безсовѣстная ложь! Напротивъ, непріятель былъ пораженъ храбростью и стойкостью русской арміи и такъ былъ ошеломленъ, что двое сутокъ оставался на позиціи, не осмѣливаясь двинуться впередъ. Укажемъ здѣсь на слѣдующій фактъ. Владимірскій полкъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ защищалъ свою позицію противъ цѣлой дивизіи англичанъ, нѣсколько разъ онъ бросался въ штыки на наступающаго непріятеля и отбрасывалъ его назадъ, нанося ему страшный уронъ. И только тогда этотъ славный полкъ отступилъ, когда въ рядахъ его осталось въ живыхъ не болѣе половины, да и то большею частію раненыхъ, когда онъ лишился почти всѣхъ своихъ офицеровъ и въ томъ числѣ самаго командира. Такая стойкость и упорство Владимірскаго полка вызвала у генерала Кембриджскаго слѣдующую фразу: „Еще одна такая побѣда и у Англіи не будетъ арміи".

И послѣ этого князь Меньшиковъ осмѣливается говорить о малодушіи русскихъ войскъ!.. Императоръ Николай по поводу такого донесенія главнокомандуюшаго писалъ кн. Горчакову: „Буди воля Божія, роптать не буду и покорюсь святой Его волѣ. Но больно и стыдно мнѣ, что причиной поставляется малодушіе войска! Непонятно для меня, зная, какъ хорошо были и по общему слуху и донесеніямъ самого князя, какой духъ между ими господствовалъ".

Неудачное сраженіе при Альмѣ и создало знаменитую осаду Севастополя.

III.

Потопленіе флота.

Какъ извѣстно нашъ черноморскій флотъ ни разу не сразился съ англо-французскимъ флотомъ во всю Крымскую кампанію, хотя этого сраженія желалъ самъ Императоръ Николай. Доведенный до блестящаго состоянія адмираломъ Лазаревымъ нашъ флотъ въ Черномъ морѣ давно уже возбуждалъ зависть у великой морской державы Англіи, а Синопская побѣда прославила его на всю Европу. „Мы моряки, писали англичане, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіи

мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника (гораздо сильнѣйшаго) и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія". Англійскіе офицеры, говоритъ Дубровинъ, собиравшіе впослѣдствіи подробности Синопской битвы, не могли надивиться той явной и поражающей рѣшимости, съ которою русская эскадра неслась на кровавое пиршество въ безукоризненномъ строю. Въ этой побѣдѣ участвовали подъ начальствомъ Нахимова только шесть кораблей и два фрегата, а весь севастопольскій флотъ въ 1853—1854 годахъ состоялъ изъ 15 кораблей, 7 фрегатовъ, 4 корветовъ, 12 бриговъ, 8 шкунъ, 9 тендеровъ, 2 яхтъ, 1 бомбандира, 1 палубнаго бота, 5 боевыхъ и 4 посыльныхъ пароходовъ, 12 большихъ и 5 малыхъ транспортовъ и 5 лоцъ-судовъ—всего изъ 62 военныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ флотъ, послѣ Синопской побѣды, осужденъ былъ на полное бездѣйствіе и наконецъ кончилъ жизнь свою самоубійствомъ.

Мы глубоко убѣждены, что главнымъ виновникомъ всего этого былъ тотъ же князь Меньшиковъ или, точнѣе говоря, ревность самолюбиваго старика къ славѣ моряковъ. Вѣсть о Синопской побѣдѣ облетѣла всю Европу и проникла въ каждый уголокъ Россіи. Въ Севастополѣ, какъ и вездѣ, только и говорили, что о подвигахъ моряковъ и ихъ славномъ вождѣ Нахимовѣ, а о Меньшиковѣ всѣ забыли. Старческая ревность не могла простить этого, какъ можно судить по поведенію Меньшикова въ отношеніи торжественной встрѣчи побѣдоносной эскадры. Едва стало извѣстнымъ о приближеніи побѣдителей къ Севастополю, какъ „все населеніе еще съ утра, повѣствуетъ Дубровинъ, высыпало по обоимъ берегамъ рейда и покрыло множествомъ шлюпокъ. Обыватели города, офицеры и всѣ тѣ, кто только зналъ Нахимова, хотѣли встрѣтить его достойнымъ образомъ и готовили множество различнаго рода овацій.

„Князь Меньшиковъ въ числѣ другихъ также привѣтствовалъ побѣдителей, хотя и не очень былъ доволенъ, что лавровый вѣнокъ побѣды достался Нахимову, а не Корнилову".

„Взойдя на корабль, гдѣ находился адмиралъ, Меньшиковъ прежде всего велѣлъ выкинуть карантинный флагъ и затѣмъ уже обратился къ Нахимову съ поздравленіемъ. Оставляя корабль, князь приказалъ, чтобъ не одинъ человѣкъ эскадры не имѣлъ общенія съ берегомъ. Въ силу этого приказанія и Павелъ Степановичъ также принужденъ былъ оставаться на кораблѣ.

— Надолго ли будетъ поднятъ флагъ?—спросилъ Нахимовъ.

— Я дамъ знать,—отвѣчалъ князь уклончиво.

„Этимъ распоряженіемъ онъ уничтожилъ всѣ празднества, ослабилъ первое впечатлѣніе побѣды и лишилъ эскадру возможности принять мѣры къ скорѣйшему исправленію. Суда требовали починки и сношенія съ адмиралтействомъ, а этого сдѣлать было нельзя... Нахимовъ выходилъ изъ себя и просилъ князя Меньшикова снабдить его хотя матеріалами, необходимыми для починки кораблей“.

Послѣ продолжительнаго плаванія по морю и наконецъ послѣ кроваваго сраженія моряки ждали выйти на берегъ, чтобъ обнять родныхъ, друзей и знакомыхъ, но путь къ этому свиданію былъ пресѣченъ распоряженіемъ главнокомандующаго. Какая жестокость! Но, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ былъ необходимъ для возвратившейся эскадры карантинъ? Нѣтъ. „Карантинъ, справедливо замѣчаетъ Дубровинъ, достигъ своей цѣли, хотя въ немъ и не было надобности: всѣмъ было извѣстно, что никто изъ участниковъ Синопской побѣды, не былъ на турецкомъ берегу...“ Послѣ этого каждый долженъ согласиться, что отношеніе Меньшикова къ флоту было возмутительно. Но къ сожалѣнію такое отношеніепродолжалось и впослѣдствіи и было причиною бездѣйствія нашего блестящаго черноморскаго флота. Конечно выйти въ море и сразиться съ врагомъ, почти вдвое превосходящимъ по числу судовъ, наши моряки не могли разсчитывать на успѣхъ. Но во первыхъ не всегда побѣда сопровождаетъ численность, а во вторыхъ не всегда союзный флотъ плавалъ въ полномъ своемъ составѣ. Николай Павловичъ настолько былъ увѣренъ въ могуществѣ своего черноморскаго флота, что совѣтывалъ князю Меньшикову, конечно при удобномъ случаѣ, вывесть флотъ въ море и атаковать союзные флоты на смерть или побѣду. „Лучше, писалъ онъ, погибнуть въ бою съ честью, чѣмъ дать себя сжечь въ гавани безъ боя. Богъ милостивъ; можетъ быть и мы побѣдимъ, хотя и съ жестокой потерей.. Разсуди и рѣши, какъ за лучшее найдешь, но я свое мнѣніе тебѣ высказалъ“...

Такого же мнѣнія были и черноморскіе моряки. И нужно замѣтить, что подобное мнѣніе вовсе не было бахвальствомъ. „Черноморскій флотъ, говоритъ Дубровинъ, могъ поспорить съ лучшими флотами въ Европѣ, если не численностію своихъ судовъ, то ихъ конструкціей, порядкомъ службы, знаніемъ своего дѣла, строгою и разумною дисциплиною. Нравственная и боевая стороны были доведены здѣсь до совершенства“...

Но Меньшиковъ не пожелалъ слушаться совѣта Николая

и не разу не воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ выполнить оный съ успѣхомъ: 16 апрѣля 1854 г. непріятельскій флотъ въ числѣ 28 вымпеловъ появился подъ Севастополемъ; онъ крейсировалъ здѣсь цѣлый день, то приближаясь къ городу, то удаляясь отъ него; 21 апрѣля тотъ же флотъ снова появился около Севастопольскаго порта. Горожане и моряки любовались движеніями непріятельскихъ судовъ; самъ Меньшиковъ смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ. Развѣ это появленіе подъ Севастополемъ части непріятельскаго флота не было удобнымъ случаемъ для нашего флота сразиться съ врагомъ?! Затѣмъ въ теченіе двухъ сутокъ 14 и 15 іюля четырнадцать непріятельскихъ кораблей крейсировали у Севастополя, Георгіевскаго монастыря и у Балаклавы и все-таки нашъ флотъ оставался на рейдѣ и не дѣлалъ никакой попытки выйти въ море. Съ цѣлію осмотра береговъ и опредѣленія мѣста высадки союзники составили эскадру изъ одного корабля и трехъ паровыхъ судовъ и утромъ 29 августа появились около Севастополя. Меньшиковъ могъ выслать противъ этой эскадры свой паровой флотъ, въ составѣ котораго были пять боевыхъ и прекрасно вооруженныхъ судовъ, но и на этотъ разъ нашимъ морякамъ суждено бездѣйствовать!

Даже въ день высадки союзниковъ нашъ главнокомандующій могъ съ успѣхомъ воспользоваться какъ кавалеріей на сушѣ, такъ и флотомъ на морѣ. Утромъ 2 сентября около устьевъ Альмы появилось нѣсколько непріятельскихъ паровыхъ судовъ, наполненныхъ цѣлою дивизіей французовъ и только въ сопровожденіи трехъ англійскихъ фрегатовъ. Эта эскадра назначалась для демонстраціи, чтобъ отвлечь вниманіе русскихъ отъ настоящаго мѣста высадки... Она простояла здѣсь около часу; спускала часть десанта на гребныя суда, которыя доплывали почти до самаго берега, затѣмъ снова десантъ садился на паровыя суда и двигался далѣе Туже демонстрацію непріятель продолжалъ и въ устьяхъ Качи. И несомнѣнно, при другомъ главнокомандующемъ такая смѣлая демонстрація непріятеля дорого обошлась бы ему: нашъ флотъ могъ бы успѣшно разгромить эту эскадру прежде, чѣмъ она получила бы помощь. Самая высадка непріятеля далеко не была сильно охраняема противъ нападенія русскаго флота. Всѣ суда были наполнены десантомъ и только англійскій флотъ, состоящій изъ 10 парусныхъ кораблей и 15 паровыхъ разнаго ранга судовъ, былъ свободенъ и предназначался для охраны десантной операціи. Противъ этой охраны русскій флотъ могъ появиться въ числѣ 15 парусныхъ кораблей и 11

паровыхъ судовъ. Причемъ лейтенантъ Стеценко сообщилъ въ Севастополь, „что союзный флотъ стоитъ въ такой тѣснотѣ и безпорядкѣ, что присылка сюда брандера не есть дѣло невозможное и можетъ надѣлать много вреда непріятелю“. Но ни страстное желаніе моряковъ помѣряться съ врагомъ, ни желаніе того же со стороны Николая Павловича не могло побудить Меньшикова измѣнить пассивное положеніе нашего флота, укрывшагося въ Севастопольской бухтѣ Не попробовавши силъ врага, онъ погибъ безславною смертію отъ собственной руки. Мы не знаемъ кому принадлежитъ первая мысль о затопленіи кораблей съ цѣлію загражденія рейда. На совѣтѣ 9 сентября адмиралъ Корниловъ предложилъ смѣлый планъ: выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ безпорядочно столпившійся у мыса Улюкала. По его мнѣнію въ случаѣ успѣха мы могли уничтожить непріятельскіе корабли и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и возможности получить подкрѣпленіе, а въ случаѣ неудачи Корниловъ предлагалъ стараться сцѣпиться на абордажъ, взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умереть со славой.

Вѣроятно такого же мнѣнія былъ и Нахимовъ. Но большинство совѣта раздѣляло мнѣніе капитана Зорина, предлагавшаго такую мысль: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище, до послѣдней капли крови.

Тѣмъ не менѣе оставляя совѣтъ, Корниловъ сказалъ: „готовьтесь къ выходу—будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать“.

Другіе утверждаютъ, что мысль о затопленіи кораблей принадлежитъ князю Меньшикову, и что приказаніе объ этомъ отдано имъ Корнилову еще вечеромъ 8 сентября. Зная предшествующія отношенія главнокомандующаго къ флоту, можно легко повѣрить послѣднему свидѣтельству.

Когда Корниловъ, послѣ совѣта, явился къ Меньшикову и изложилъ его мнѣніе, то главнокомандующій приказалъ затопить корабли на фарватерѣ. Корниловъ отказался исполнить это приказаніе.

— Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы,—сказалъ Меньшиковъ, разсерженный такимъ упорствомъ Корнилова, и приказалъ своему ординарцу попросить къ себѣ командира порта вице-адмирала Станюковича.

— Остановитесь,—вскрикнулъ Корниловъ,—это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете..., но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, невозможно!

Я готовъ повиноваться вамъ. „Приказаніе князя Меньшикова было исполнено, потопленіе кораблей между Константиновскою и Александровскою батареями совершилось въ ночь на 11 сентября. „По утру, повѣствуетъ Дубровинъ, надъ поверхностью моря плавали лишь обломки мачтъ шести потопленныхъ судовъ. Одинъ только корабль „Трехъ Святителей“ оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся не желая разставаться съ жизнью. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю все таки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу „Громоносецъ“ подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть несчастнаго корабля.

У Корнилова навернулись при этомъ слезы.

— Вотъ горькое зрѣлище!—сказалъ онъ окружающимъ. Что вѣками создавалось, о чемъ Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) такъ усердно хлопоталъ—все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ!

Видя, что не смотря на выстрѣлы „Громоносца“, корабль все еще стоитъ на поверхности воды, Корниловъ, казалось, досадовалъ на это упорство.

— Не могу равнодушно смотрѣть, сказалъ онъ,—это хуже чѣмъ разстрѣливать человѣка.

Выстрѣлы „Громоносца“ болѣзненно отозвались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль „Трехъ Святителей“ многіе изъ нихъ горько плакали“.

Историки не разъ обсуждали вопросъ о значеніи катастрофы, постигшей нашъ Черноморскій флотъ. Причемъ нѣкоторые изъ нихъ приходили къ довольно странному заключенію. „Идею затопленія кораблей, говоритъ Дубровинъ, можно назвать геніальною, а приведеніе ея въ исполненіе—однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ жизни Севастополя“. То же повторяетъ Бѣлавенецъ. Даже въ послѣднее время г. Парфеновъ въ Морскомъ сборникѣ (1904 г., май, стр. 8) пишетъ: „Надо замѣтить, что затопленіе кораблей при тогдашнихъ обстоятельствахъ, сложившихся изъ суммы всѣхъ упущеній и малой предпріимчивости тогдашняго главнокомандующаго, князя Меньшикова, должно считаться безспорно—одною изъ геніальныхъ мѣръ, которая спасла Севастополь отъ сдачи непріятелю, чѣмъ хоть сколько нибудь искупились: непростительная безпечность и непредпріимчивость тогдашняго главнаго начальника“.

Намъ кажется, что нужно имѣть особыя понятія о томъ, что *геніально* и что *обыкновенно*, чтобъ согласиться съ подоб-

ными взглядами на потопленіе нашего флота. И въ самомъ дѣлѣ. Если разбойникъ ломится въ дверь моего дома, а я не хочу или не могу выйти на бой съ нимъ, то я баррикадирую дверь тѣмъ, что попалось подъ руку. Вещь очень простая! Видѣть что нибудь особенное, а тѣмъ болѣе геніальное въ рѣшеніи оградить себя отъ нападенія, рѣшительно невозможно: додуматься до такой мысли способенъ каждый смертный! Вѣдь если историки дѣлаютъ предположеніе, что весь нашъ флотъ, вступивъ въ неравную борьбу съ непріятелемъ неизбѣжно погибъ бы и Севастополь такимъ образомъ лишился бы для своей защиты 10 т. моряковъ, то всѣ они въ то же время въ одинъ голосъ утверждаютъ: еслибъ непріятель послѣ альминскаго сраженія вмѣсто того, чтобъ двинуться по направленію Балаклавы, предпринялъ походъ на наше сѣверное укрѣпленіе и Севастополь, то неизбѣжно то и другое очутилось бы въ его рукахъ. Вѣдь ошибки непріятеля никто не предвидѣлъ. Но допустимъ, что непріятель черезъ два-три дня созналъ свою ошибку, захватилъ сѣверное укрѣпленіе и Севастополь, то какая же судьба, спрашиваемъ мы, грозила бы нашему флоту? Конечно, безславная гибель и для судовъ и для моряковъ! Все, что находилось въ бухтѣ, теперь превращенной въ озеро, благодаря загражденію рейда, уничтожено было бы непріятельскимъ огнемъ. Значитъ результатъ былъ бы тотъ же—гибель, но гибель безславная, не такая, на которую рѣшались Николай Павловичъ и Корниловъ.

Но суть даннаго вопроса заключается въ томъ, была ли необходимость въ загражденіи севастопольскаго рейда, чтобы воспрепятствовать непріятельскому флоту въ него прорваться. Рѣшительно никакой! Съ моря Севастополь былъ недоступенъ и входъ въ его бухту защищенъ столь могучими береговыми фортами, что адмиралы союзнаго флота, какъ мы уже упоминали, въ теченіи десяти мѣсяцевъ плаванія по Черному морю не осмѣлились даже подойти къ нимъ. Въ недоступности рейда съ моря были убѣждены и Николай Павловичъ и самъ Меньшиковъ. „Атаки или форсированія входа въ Севастополь съ моря—не опасаюсь, и почти что желаю, ибо надѣюсь на милость Божію, что отобьемся славно“. Это писалъ Николай еще въ началѣ апрѣля, когда нѣкоторые морскіе форты не вполнѣ еще были оборудованы, а постройка батареи Волохова и Карташевскаго были только начаты. Впрочемъ для точнаго рѣшенія вопроса о возможности прохода въ Севастопольскую бухту союзнаго флота можетъ служить попытка непріятеля бомбардировать севастопольскія укрѣпленія, предпринятая имъ

5 октября. Это первая и единственная попытка союзнаго флота кончилась для него очень печально: изъ 27 кораблей, принимавшихъ участіе въ бомбардированіи севастопольскихъ укрѣпленій, почти половина пострадала отъ нашихъ батарей; многіе суда совсѣмъ вышли изъ строя и особено сильно пострадалъ англійскій флотъ: изъ 11 судовъ повреждено 8. Уронъ людей на непріятельскомъ флотѣ, не считая турокъ, простирался до 526 убитыми и ранеными. „Какъ французы, такъ и англичане, говоритъ Дубровинъ, не могли не сознать ту ничтожность вреда, который они нанесли береговымъ батареямъ, сравнительно съ матеріальными расходами (было выпущено снарядовъ болѣе 50 т.), съ тою потерею и тѣми поврежденіями, которыя получили сами“.

Послѣ пятичасовой бомбардировки союзный флотъ удалился съ позоромъ. Но 5 октября противъ него могли дѣйствовать только наши передовые форты и батареи. Это дѣло происходило на взморьѣ на сравнительно далекихъ дистанціяхъ.

„Что же бы было, говоритъ одинъ писатель, если бы непріятельскій флотъ, даже въ полномъ своемъ составѣ, попытался проскочить на внутренній рейдъ? Здѣсь, чѣмъ болѣе бы онъ углублялся, его бы послѣдовательно встрѣчали восемь береговыхъ батарей, поражая его боковымъ и тыльнымъ огнемъ, не говоря о нашемъ флотѣ, состоявшемъ изъ 17 кораблей и фрегатовъ, 11 пароходовъ (700 орудій съ одного борта) и значительнаго числа мелкихъ судовъ. Мнѣ кажется, принимая все это во вниманіе, можно скорѣе предположить, что непріятель былъ бы разбитъ наголову“...

Итакъ къ чему же было заграждать рейдъ и губить севастопольскій флотъ?! Николай Павловичъ однажды писалъ Меньшикову, что нужно выждать пока непріятельскій флотъ *пооблομается* о наши крѣпости. 5-го октября онъ слишкомъ пооблομался и что было бы съ нимъ, еслибъ въ это время наша эскадра бросилась за нимъ въ погоню? Но главнокомандующій заперъ ее въ бухтѣ и заперъ навсегда!

Нѣтъ, мы глубоко убѣждены, что мѣра, принятая Меньшиковымъ въ отношеніи Черноморскаго флота, была столь же геніальна, какъ и японское харакири.

